

БЕСЕДА С ПОЧЁТНЫМ ДОКТОРОМ ВГУ
ФРАНКОМ РЁССНЕРОМ

«ДОЛГИ ALMA MATER ВСЕГДА НАДО ВОЗВРАЩАТЬ»

Среди иностранцев, удостоенных звания «Почетный доктор Воронежского государственного университета», больше всего немцев – пятеро. Один из них – профессор Франк Рёсснер – является не только ведущим специалистом Германии по такому разделу химии, как каталитические и сорбционные свойства минеральных сорбентов, но и воспитанником ВГУ.

Мантию почетного доктора ВГУ профессор Рёсснер получил в 2010 году за большой вклад в укрепление международного сотрудничества Воронежского университета с научно-исследовательскими институтами Германии. Собственно говоря, благодаря именно этому человеку и были восстановлены контакты ВГУ с немецкими вузами, прерванные после распада Советского Союза. Кроме того, доктор Рёсснер вот уже четырнадцать лет является приглашенным профессором ВГУ и регулярно читает лекции в его аудиториях.

Наша беседа произошла во время очередного приезда профессора Рёсснера в Воронеж, когда немецкий ученый любезно согласился ответить на наши вопросы.

– Господин профессор, прежде всего я хотел бы узнать – как в вашей жизни появилась химия? Откуда такой интерес именно к этой науке?

– Всё началось с моего школьного преподавателя. Я учился в шестом классе, когда он организовал кружок по химии. Это было удивительно, интересно и увлекательно. Тот мой учитель был хорошим человеком и прекрасным преподавателем: он умел занимательно объяснять самые сложные вещи, увлекать учеников необычными и загадочными опытами и экспериментами. Словом, благодаря этому человеку у меня и возникло желание заниматься химией дальше.

Я окончил одиннадцать классов общеобразовательной школы и поступил на рабоче-крестьянский факультет в Галле – был такой институт по подготовке к учебе за рубежом. К этому моменту я уже твердо знал: буду учиться только на химическом факультете.

– А что значило высшее образование в вашей семье?

– Мои родители были простыми рабочими. Поэтому, кстати, без социалистической системы, которая существовала в ГДР, где я родился и жил, в те годы вряд ли удалось бы получить высшее образова-

ние. В этом отношении государственная поддержка мне очень помогла. Что же касается родителей, то они всегда хотели, чтобы я учился. Отец, переживший войну, говорил мне: человек может в один день потерять всё, кроме знаний: богатство, которое накопилось у тебя в голове, никто не сможет отнять.

– Как получилось, что вы приехали учиться именно в Советский Союз?

– Здесь всё просто. Я был романтиком, искал приключения. Молодость манила из дома, подальше от родителей, я хотел преодолевать трудности и штурмовать препятствия. Но... Вы же помните, какая была политическая ситуация в мире в начале 1970-х годов?

– Конечно, помню: мы с вами были в одном лагере.

– Да-да, в одном лагере социализма. А это, помимо всего прочего, предполагало и наличие «железного занавеса» на границе, особенно для восточных немцев. Мы в ГДР могли смотреть исключительно на восток, где единственной страной, которая принимала студентов-иностранцев на учебу, был Советский Союз. Так что выбора у меня не было: я мог учиться только в СССР.

А вот Воронеж появился в моей жизни абсолютно случайно. То, что я буду учиться в этом городе, решили без меня. Получилось так, что Воронежский университет был в тот год единственным советским вузом, где для иностранцев производился набор на специальность «химия». Если бы я, к примеру, выбрал специальность «переработка нефти», то поехал бы учиться в Баку или в химико-технологический институт имени Менделеева в Москве. Но мне нужна была только химия, и я оказался в Воронеже.

– **К этому времени вы уже знали русский язык?**

– Русский язык я начал учить в школе, с третьего класса. Но в Воронеже очень скоро почувствовал, что моих языковых познаний для реальной жизни недостаточно. Словарный запас был небольшим, и мне пришлось заняться языком всерьез.

– **Вы были студентом Воронежского университета в 1970-е годы...**

– С 1973 по 1978 год.

– **Чего, на ваш взгляд, не хватало тогда университету?**

– Того, чего не хватает университетам во все времена, – денег. Их не хватало тогда, не хватает и сейчас... Понимаете, здесь всё взаимосвязано: если в вузе нет денег, то ученым и преподавателям приходится заниматься исключительно теоретическими проблемами. И надо сказать, что как теоретики воронежцы всегда неплохо работали и имели очень хорошую репутацию. Но вот что касается технических достижений – здесь ситуация печальная. И даже сейчас, когда в ВГУ намечились улучшения, до соответствия современным требованиям по обеспечению университета оборудованием, до того, чтобы конкурировать с ведущими университетами Европы, ещё очень далеко. Подчеркиваю: я говорю сейчас только о состоянии на химфаке, как обстоят дела на других факультетах – я просто не знаю. На химфаке же работают хорошие профессионалы, они стараются, но обеспечить студентов передовыми практическими навыками у них получается не всегда. А вот теоретическая база в ВГУ по-прежнему на высоте. В этом я убеждаюсь всегда, когда принимаю воронежских студентов на стажировку у себя на кафедре в университете в Германии. Кстати, за последние годы подобную стажировку у нас прошли уже более пятидесяти студентов, аспирантов и младших научных сотрудников из Воронежа.

– **Цифра впечатляет!**

Франк Рёсснер – студент ВГУ

– Я тоже горжусь этим... Так вот, как показывает практика, если ребятам, приехавшим из Воронежа в Европу, дать возможность работать на хорошем оборудовании и время на изучение этого оборудования, то они в конце концов достигают очень хороших результатов. Даже по сравнению со своими европейскими сверстниками.

– **Скажите, а у такой науки, как химия, существуют какие-то национальные черты? Можем ли мы, к примеру, говорить о немецкой или российской школе химии?**

– Думаю, что нет. Химия – международная наука, которая не знает границ.

– **То есть проблемы, над которыми сейчас работают немецкие и российские химики, похожи?**

– И немецкие, и русские химики работают сегодня над тем, на что дают деньги. К слову, у нас в Германии ситуация с финансированием университетов такая же, как и в России: довольно скромный бюджет, а основную часть денег мы получаем через гранты. Такая же ситуация, к слову, и во всех университетах Западной Европы.

– **На что же сегодня в Германии химикам дают гранты?**

– О! У нас есть много организаций, через которые можно получить гранты. Одна из самых крупных по структуре напоминает ваш РФФИ (Российский фонд фундаментальных исследований). Она фактически выдает гранты на всё. Если у ученого есть интересная идея, он пишет соответствующий проект, защищает его перед оппонентами, доказывает, что способен реализовать свои замыслы, и если он убедителен, то ему выделяют деньги. На эти средства он занимается научными разработками в течение трех лет. Как правило, это время, за которое вполне можно написать кандидатскую диссертацию.

– **А немецкая молодежь сегодня стремится получить высшее образование?**

– Да, университеты в Германии по-прежнему популярны. И политики различных толков всячески поддерживают это. Сейчас в нашей стране поставлена цель, чтобы 40 процентов выпускников немецких общеобразовательных школ получили право учиться в университете. Это не значит, что все они будут поступать в вузы, но подготовить их к этому школа должна.

– **Давайте вернемся в ваши студенческие годы. Как мне удалось узнать, у вас была бурная**

студенческая молодость. К примеру, за время учебы в Воронеже вы ухитрились побывать даже на БАМе...

– Причем – дважды.

– Как я понимаю, это была та самая романтика, о которой вы мечтали?

– До БАМа я уже имел представление о работе в стройотряде. После первого курса я попал в отряд, который работал в Новохопёрском районе. Мы строили свинарник. Помню, было абсолютное ощущение наступившего коммунизма. Все вкалывали на равных, если кто ленился, тому говорили – или выполняй норму, или уходи. А в итоге все получили одинаковую зарплату. Объяснили это тем, что каждый работал по способностям. Мне это понравилось. К тому же именно там, в воронежском селе, я выучил русский язык. Я был единственным иностранцем в стройотряде и поэтому вынужден был всё время говорить по-русски. Словом, после стройотряда я стал свободно общаться на русском языке и жить от этого мне стало легче.

– И на следующий год вы рискнули отправиться на БАМ?

– Был объявлен конкурс на место в стройотряде, который должен был поехать на самую главную комсомольскую стройку Советского Союза – Байкало-Амурскую магистраль. Я вместе с друзьями-соотечественниками решил в этом конкурсе участвовать. Нас поддержал Институт международного образования – тогда он по-другому назывался.

– Подфак для иностранцев.

– Да. Вот его руководитель сказал кому-то наверху: у нас есть студенты-немцы, которые хотят поработать на строительстве БАМа – дайте им возможность попасть в отряд. Этого оказалось достаточно.

– Чем запомнилась та поездка?

– Прежде всего масштабами. Сначала мы летели туда на стареньком самолете – Ту-104. Светильники там ещё были такие потешные. После этого долго ехали на поезде. Работали в Усть-Илимске, строили какой-то склад для фруктов, и это тоже запомнилось на всю жизнь. Мы жили в палатках, узнали, что такое сибирские комары, мошка, научились, как одним литром воды вымыть всего себя... Впечатлила и сумма, которую получили за ту работу. Я тогда первый раз в жизни увидел советскую купюру в 25 рублей.

– По тем временам это был капитал!

– Да, вы правы. Нам, немцам, стипендию платили 80 рублей мелкими купюрами, а тут сразу крупная... А через год мы уже работали на самом БАМе, на 144-м километре его западного участка – и там вообще в дикой тайге сидели: вырубали лес, по-

Профессор Ф. Рёсснер с коллегами-профессорами – Матиасом Викледером (Гессенский университет, Германия) и Виктором Семеновым (ВГУ). Воронеж, 2016 год

ставили палатки и работали. Это было незабываемо. Я увидел совершенно другую Россию.

– Знаю еще, что в вашей студенческой жизни существенную роль играл спорт – в те годы вы профессионально занимались борьбой.

– Было такое.

– Насколько спорт помог в карьере ученого и делаете ли вы сегодня что-нибудь для поддержания формы?

– Спорт формирует характер, учит не расслабляться и быть готовым в любой момент принимать решения. Важно и то, что, занимаясь спортом, ты понимаешь: успех будет ждать тебя лишь в том случае, если ты будешь много тренироваться. Ну и ещё спорт учит уважать соперника... Все эти качества необходимы и в науке.

Что же касается нынешней моей формы, то вот уже лет тридцать я два-три раза в неделю по два часа играю с друзьями в бадминтон. Для меня это необходимо.

– Как сложилась ваша карьера после Воронежа?

– У нас, у немецких студентов, было преимущество по сравнению с советскими выпускниками: уже с третьего курса мы знали, где будем работать. Было предварительное распределение, где мы могли выказать свое желание относительно будущего: кто-то захотел в перспективе работать в промышленности, кто-то – в университете. Я решил связать свою карьеру с университетом.

Мне пошли навстречу и после ВГУ, в 1978 году, дали должность младшего научного сотрудника на кафедре технической химии Лейпцигского университета, где я довольно быстро защитил кандидат-

Франк Рёсснер в мантии почетного профессора Воронежского университета. 2010 год

скую работу. Мне повезло: мой тогдашний шеф тоже был новичком в том университете. И он как раз собирал свою команду, куда предложил войти и мне. Я согласился и получил возможность работать уже над докторской диссертацией. Эта работа заняла у меня десять лет – для Германии это обычный срок.

А в 1989 году, как вы знаете, две Германии объединились.

– *У нас это называется «падение Берлинской стены».*

– Да, не стало стены. Тогда в университете, конечно, многое изменилось. Прежде всего – в структуре. Сначала было так, как сейчас у вас, в Воронежском университете. Был профессор – заведующий кафедрой, другие профессора, старший и младший научные сотрудники. Потом всех этих людей сократили, и кафедра фактически стала состоять из одного заведующего и одного инженера, а всех остальных сотрудников теперь набирают через гранты.

После защиты докторской работы я на один год ушел в промышленность: работал в лаборатории крупнейшей национальной химической компании «Хехст» («Hoechst») в Франкфурте-на-Майне. А в 1996 году мне предложили должность заведующего кафедрой технической химии университета им. Карла Оссецки в Ольденбурге, где я продолжаю работать вот уже двадцать лет.

– *Ольденбург – это ведь Западная Германия?*

– Да.

– *В этой связи не могу не спросить вас вот о чем. У нас в России считается, что после объединения Германии восточные немцы сильно проиграли в правах. А вот ваш пример свидетельствует о другом: выходец из Восточной Германии получил престижную должность на западе страны. Как вам это удалось?*

– Просто люди на западе оказались совершенно другими, чем нам говорили в социалистические времена. У них не было никаких идеологических предрассудков. Они посмотрели на список моих публикаций, выслушали научный доклад и сказали – ты нам подойдешь. То есть главным критерием при выборе сотрудника здесь является его профессиональный уровень. Впрочем, Ольденбург – это север Германии, на юге страны ситуация несколько иная.

– *А на бытовом уровне ощущается ли сегодня разделение нации на западных немцев и восточных?*

– Знаете, нынешняя молодежь уже чувствует себя гражданами единой Германии: все-таки четверть века уже прошла. Единственное, от чего сейчас страна ещё страдает, – это неравномерное распределение промышленности. Сейчас на востоке фактически нет предприятий – все социалистические заводы были ликвидированы. Естественно, это обстоятельство не могло не отразиться на социальном составе населения. Сегодня среди жителей Восточной Германии преобладает старшее поколение, а те, кто молод и мобилен, переехали на запад и интегрировались в его ритмы. Вполне понятно, что это породило целый круг проблем, но слов «при социализме было лучше» сейчас уже никто в Германии не говорит. Сегодня все немцы хотят быть на одном уровне достатка – на западном.

– *В последнее время перед немцами, впрочем, как и перед жителями других стран Западной Европы, встал ещё один серьезный вызов – беженцы. Насколько остро эта проблема ощущается сотрудниками немецких университетов, научным сообществом Германии?*

– Университеты активно участвуют в решении этой проблемы. Как показывает практика, образование – один из наиболее эффективных способов интегрировать беженцев в европейское сообщество. У нас разработан целый ряд образовательных программ для этих людей. Причем, если кто-то из них учился у себя на родине и вынужден был бросить учебу, мы готовы дать ему возможность продолжить образование в Германии с того самого момента, на котором он закончил учебу на родине. Но есть одна проблема: чтобы участвовать во всех этих программах, необходимо знание языка. Поэтому сейчас по-

всеместно преподаватели университета организуют курсы по изучению немецкого языка для беженцев.

Но при этом надо отдавать себе отчет, что эти беженцы – выходцы не из высокоразвитых стран, что существуют особенности социального расслоения в исламских государствах и т.д. Всё это мы стараемся учитывать.

Пока же в истории с беженцами немцев больше всего раздражает то, что правительство принимает решения, совершенно не советуясь с населением. Многие даже сравнивают такое поведение властей со временами социализма. Помните, как тогда было? Центральный комитет партии решил, и все обязаны это решение выполнить... Вот и сейчас, получается, то же самое. Всё это напрягает общество. Люди говорят: «Почему с нами не советуются?.. Почему общежитие для беженцев открыли в городском клубе, а нам ничего об этом не сказали?! Может, мы подобрали бы для этих целей лучшее место!»...

– Когда-то, во времена социализма, существовали очень прочные контакты между ВГУ и университетами Восточной Германии. В Воронеж приезжало много немецких студентов, получавших здесь образование. После падения Берлинской стены эти контакты на несколько лет почти прервались. Они возобновились уже в XXI веке, причем во многом благодаря именно вашей, господин профессор, активной работе...

– С 2002 года я регулярно приезжаю в ВГУ, читаю студентам лекции.

– На русском?

– И на русском, и на английском.

– О! И как же нынешние воронежские студенты воспринимают лекцию на английском языке?

– С трудом. Я прекрасно понимаю это, потому что читаю по-английски не весь курс, а лишь первые 15–20 минут. Для меня очень важно, чтобы завтрашние российские химики хотя бы слышали англоязычные слова – это расширит их возможности в профессии...

За время, когда мы стали работать с ВГУ, наши университеты уже трижды обменивались студенческими группами. Ко мне в Ольденбург регулярно приезжают воронежские студенты по программе «Михаил Ломоносов» (это совместная программа Министерства образования и науки РФ и Германской службы академических обменов – DAAD), а наши студенты, по этой же программе, приезжают в ВГУ.

Однако главным препятствием для расширения этих контактов является то, что в России пока ещё очень слабо действует Болонское соглашение о едином европейском пространстве высшего обра-

Немецкие ученые и преподаватели с сотрудниками ВГУ на базе отдыха «Веневитиново». Первый слева – Ф. Рёсснер. 2006 год

зования. Студенты же в Европе сейчас какие? Они четко следят: сколько кредитных баллов я получу, если поеду в университет другой страны? И только просчитав всё, принимают решение – куда ехать и почему. Им хочется и город посмотреть, и страну, и побывать на практических и теоретических занятиях российских ученых, и набрать максимальное количество баллов. А этот механизм у вас пока действует слабо.

– В 2002 году программу межвузовского немецко-российского сотрудничества вы начали именно в Воронеже. Скажите, Франк, так произошло потому, что вы сами – выпускник ВГУ?

– Конечно, я же вернулся в свой родной университет! Я благодарен ВГУ за образование, которое получил здесь в 1970-е годы. Долги alma mater всегда надо возвращать – таков один из неписанных законов университетского европейского сообщества.

За годы, прошедшие с моих студенческих лет, я приобрел богатый опыт, который, думаю, может быть полезным и моему родному университету. Когда иностранный профессор регулярно читает лекции в вузе – это всегда интересно для студентов, поскольку помогает им расширить представление о мире и об образовании. Мне же подобная практика позволяет заглянуть в завтрашний день науки, увидеть глаза тех, кому предстоит служить милой моему сердцу химии в будущем.

Беседовал Дмитрий Дьяков